

УДК 32.019.Б

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ:
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ**

Д. Н. Михайлов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 октября 2010 г.

Аннотация: *данная работа посвящена проблеме исследования политической мифологии в современной философской и политологической мысли. В статье рассматриваются понятие, структура и функции политического мифа. Последний понимается как элемент общих процессов общественной сакрализации современности.*

Ключевые слова: *сакрализация, политическая мифология, власть, традиционное общество, светское общество, религиозное мировоззрение, политические архетипы, манипуляция сознанием.*

Abstract: *the given work is devoted to a problem of research of political mythology in modern philosophical and political thought. In article the concept, structure and functions of a political myth are considered. Last is understood as an element of the general processes of a public sacralization of the present.*

Key words: *sacralization, political mythology, power, traditional society, secular society, religious consciousness, political archetypes, manipulation of consciousness.*

Проблема политической мифологии достаточно широко представлена в отечественной и зарубежной научной литературе. Предлагается множество определений политического мифа, выражающих разные аспекты данного социального феномена. Анализируются его структура, типология, генезис.

Стоит обратить внимание на то, что политический миф является базой сакрализации власти в секулярном обществе, как тоталитарном, так и демократическом. Однако, утверждая это, необходимо учитывать разницу в политической мифологии данных типов социальных систем.

Теперь необходимо более детально рассмотреть политический миф как способ легитимации власти, определить его связь с архаическим мифом и его отличие от последнего. Необходимо также определить понятие политического мифа и его структуру.

А. М. Цуладзе определяет политический миф как «миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства» [1]. С точки зрения автора, используемые в качестве инструмента политической борьбы политические мифы оказывают колоссальное влияние на все общество. Таким образом, политическую мифологию можно было бы назвать прикладной мифологией, поскольку за любым политическим мифом всегда скрыты вполне материальные интересы определенных лиц и групп. В данном

определении делается акцент на искусственность данного социального явления, его прикладной характер.

С иной точки зрения, основными характеристиками политического мифа являются опора на архетип и некоторая искусственность. То есть, политический миф самопроизвольно происходит из природы человека и, одновременно, создается им искусственно. Здесь нет ни чисто естественно-природного механизма образования, ни чисто разумного. Можно сказать, что политический миф является приспособлением некоторого культурного мифа для политических целей. Другими словами, политический миф «распылен» в культуре, которая и является его носителем. Искусственно создается политическая идеология, которая опирается на тот или иной политический миф.

В. С. Полосин в своей работе «Миф, Религия, Государство: исследование политической мифологии» рассматривает миф как архетип социального опыта. Миф определяется им как первичная, цельная и универсальная форма познания, в которой «объект созерцается в единстве его внешне-актуального образа и знания о его прошлом, настоящем и будущем» [2]. Автор указывает причины, по которым миф продолжает свое скрытое существование даже в эпоху расцвета рационализма. Желание некой постоянной и даже абсолютной стабильности бытия – вечности, – даже у самого последовательного рационалиста остается, по меньшей мере, в подсознании; элементы мифа: иррациональные, образные, чувственные представления о всеобщей смысловой цельности бытия как условия абсолютной стабильности. Желание вечности неразрывно связано с ответом на вопрос о конечном смысле собственного существования, и эта постоянная внутренняя потребность, усиливаемая каждым напоминанием о собственной смертности, рождает в подсознании образы-символы, индизонательно дающие ответ на главный вопрос или как-то трактующие его. «Архетип победы над смертью, – пишет автор, – и достижения вечной блаженной жизни, общий для всех мифологических конструкций, притягивает подсознание даже атеиста, а тем более устойчив для коллективно-общественного сознания» [2].

Наше определение политического мифа учитывает все перечисленное выше. В нем делается акцент на указание двух полюсов данного феномена: объективного (культурно-архетипического) и субъективного (технологическо-идеологического). Под политическим мифом мы понимаем аксиологический комплекс постулатов, иррациональных идей, формирующих весь спектр мировоззренческих установок индивида через посредничество «идеологий» (например, мифологеме «коммунизм» соответствует «марксистско-ленинская идеология»), которые представляют собой пропагандистские, псевдо-рациональные версии исходного мифа как акта веры.

Черты мифологического сознания обнаруживаются в подсознательном (или бессознательном) желании обрести в будущем далекое прошлое – «золотой век», тем самым придать осмысленность и относительную стабильность настоящему и перебросить мостик в абсолютно стабильное будущее. На уровне чувств это подсознательное желание выражается в

ощущении утраты некоей вечной, абсолютной цельности и в стремлении к ее возвращению.

Потребность и ощущение абсолютной стабильности проецируется и на обычные житейские ситуации, «рождая потребность и ощущение социального и личного комфорта – как прообраза и залога абсолютной стабильности» [2, с. 41].

В мифе, по мнению автора, осуществляется непосредственная живая связь личного опыта с коллективным опытом, которая служит, тем самым, исторически опробованным средством преодоления ощущения личного одиночества. Миф действителен для человека лишь в той мере, в какой человек ощущает в нем наличие хотя бы одного ответа на жизненно важные для себя вопросы.

Изначально миф имеет архетипическую природу. Совокупный опыт человечества, накопленный до эпохи рационального познания, оказывается необходимым компонентом целостного взгляда на мир. На уровне коллективной памяти миф оказывается необходимым, объективным и уникальным средством хранения и использования совокупного общественного опыта, становится подсознанием общественного сознания.

Общественное сознание представляет собой «поток объективированной, архетипизированной информации, протекающий внутри личного сознания человека» [2, с. 43]. Индивидуальное восприятие видит в этом потоке некое отображение самого себя (архетипы своих переживаний и опыта) и потому склонно отождествлять себя с этими архетипами и приписывать себе то, что находится в коллективном опыте.

Общественное сознание (коллективно-архетипическое), с точки зрения Полосина, в религиях (как пантеистических, так и трансцендентно-монотеистических) может наделяться независимым от индивидов суверенным существованием. Оно имеет своего конкретного персонального бессмертного носителя, каковым многие древние религии считали некоего первородного макрочеловека, первоангела или божество, в котором находились и из которого потом выпали все человеческие души. Современные же рационалистические построения объективируют коллективно-архетипическое начало человеческой природы в абсолютный дух, абсолютизированную природу, материю, ноосферу и т.п. По причастности к этому объективному началу индивид начинает удовлетворять свою внутреннюю потребность в личном бессмертии. Таким образом, миф является «суммарным закодированным через иносказание прошлым опытом общественного сознания, т.е. общественным подсознанием» [2, с. 44].

Современный рационализм, подрывающий основы мифологии и религии, тем самым еще более усиливает потребность в мифе, поскольку, как считает Полосин, для того, чтобы включить в коллективную память общества новые рациональные знания, они должны быть трансформированы в зрительно узнаваемые цельные образы, ибо иначе их не удастся состыковать и инкорпорировать в уже существующий социальный опыт. Архетипы опыта остаются в целом неизменными. Изменяются внешность

и имена персонажей, корректируются их функции, новые актеры играют по-новому старую пьесу. Но сюжет пьесы остается прежним, тем самым, само мифологическое сознание живет, а персонажи его мифов воскресают с новыми именами или новыми функциями.

Полосин полагает, что «миф – не просто необходимый компонент познания и самосознания человека, но, безусловно, необходимый компонент существования общества вообще» [2]. Это объясняет тот факт, что «во все эпохи у всех народов общественное сознание в тех или иных формах... продуцирует различные виды мифов, псевдо- и лжемифов во всех гуманитарных сферах социальной жизни: в быту, культуре, религии, идеологии, политике» [2, с. 45].

Реальность мифа для архаического сознания абсолютна и не подлежит никакому сомнению со стороны мифоносителя. Политический миф также опознается как реальность, но уже не с той уверенностью и глубиной, как в случае архаического мифа. Политический миф, если рассматривать его со стороны идеологического оформления, – всегда чья-то выдумка. Так или иначе, политический миф кем-нибудь создан, а лишь затем воспринят – сначала как возможная реальность, потом – как реальность очевидная.

Архетипическая природа мифа сохраняет исходную форму, притом что содержание вполне может изменяться. Украинский исследователь Г. Почепцов отмечает: «Миф предстает перед нами как сценарий развертывания имиджа, в котором сразу заполняются до этого пустые роли друзей и врагов главного героя» [3]. Кроме того, в случае создания политической идеологии, опирающейся на тот или иной политический миф, «уже нет необходимости порождать целые тексты, можно только намекать, подсказывая существенные характеристики, подводящие массовое сознание к тому или иному мифу» [3, с. 106].

Миф, в том числе и политический, рисует свою собственную картину реальности. Необходимо иметь в виду, что в сознании всегда присутствует акт веры, так как «без веры в реальность своего объекта миф теряет свою основу» [4]. Миф всецело реален и объективен; но даже в нем никогда не может быть поставлен и вопрос о том, реальны или нет соответствующие мифические явления. Отечественный философ, исследователь мифологии А. Ф. Лосев писал: «Мифическое сознание оперирует только с реальными объектами, с максимально конкретными и сущими явлениями» [5].

Миф оперирует образами. Это обеспечивает ему запоминаемость, узнаваемость, цельность. В то же время любой образ допускает различия в толкованиях его деталей, что позволяет мифу обрастать бесчисленными подробностями, вариантами. Каждый человек может «обжить» любимший ему миф, добавив в него красок из палитры собственного воображения. Таким образом, миф превращается в продукт совместного творчества множества людей и при этом сохраняет свою изначально заданную структуру и смысловую нагрузку. Вот почему для современного политтехнолога миф – это бесценный клад для манипуляций обще-

ственным сознанием. Достаточно задать некую матрицу, а детали позволить людям домыслить самим. Миф создает иллюзию сопричастности происходящим событиям.

Миф имеет иррациональный фундамент, укоренен в эмоциональной сфере. Без эмоций не будет сопереживания герою, идентификации с ним. А это главное условие эффективности политического мифа. Поэтому миф «всегда имеет собственную драматургию» [1, с. 163]. Он увлекателен, динамичен, образен. В его основе, как правило, лежит страх, избавиться от которого можно только с помощью героя.

Драматургия мифа проста и доступна всем. Миф позволяет связывать воедино различные события, создавая ощущение цельности, осмысленности происходящего. Поскольку сюжет всегда можно придумать, то для политтехнологов здесь открывается необъятный творческий простор.

Традиционная для России вера в «чудо» имеет религиозное происхождение и в то же время часто эксплуатируется в политическом мифотворчестве. Мифы периода «перестройки» основывались на другом религиозном мотиве – «чувстве вины». Тогда модно было призывать к «покаянию», «признанию преступлений прошлого» и т.д.

Специфическим является и переживание времени в мифологическом мышлении. Настоящее воспринимается как нечто производное от прошлого и будущего. Настоящее всего лишь повтор того, что уже было, и фундамент того, что будет. Актуального настоящего нет, все предопределено. Места для проявления воли человека не остается, так как он либо вынужден повторять прошлое, либо подчиняться велению судьбы, т.е. уже запрограммированному будущему.

Особого внимания заслуживает вопрос о структуре политического мифа. Наиболее удачную разработку этой проблемы, на наш взгляд, можно обнаружить в работе В. С. Полосина, упоминаемой выше. Политический миф включает в свою структуру:

1) архетип какой-либо опытной ситуации, связанной с осуществлением мер социального регулирования и принуждения;

2) содержание конкретного опыта, эмпирически полученного в ситуациях, объединенных данным архетипом;

3) систему иносказательных образов, функциональная символика которых соотносит «желаемое» с «должным», т.е. со сложившимся архетипом.

Сопереживание политическому мифу – первое необходимое условие легитимизации массовым сознанием институтов власти и конкретных лиц в качестве персонажей этой власти. Такое сопереживание появляется и основывается на подсознательной, иррациональной убежденности в наличии аналогии между нынешней проблемной ситуацией и ситуацией из прошлого, которая закодирована в мифе и в которой уже известен результат. Эта эмоциональная убежденность превращает мифическую историю в «живую» парадигму для настоящего» и вызывает в подсознании «ощущение истинности» предполагаемого политического решения.

Миф, объединяя своим архетипом множество аналогичных ситуаций, выступает эталоном, высшим критерием при оценке актуальных ситуаций. Именно поэтому различные правящие элиты и пытались во все века рекламировать или насаждать общеобязательные мифы и мифологии (большей частью религиозно окрашенные), ибо в случае успеха такой рекламы право этих элит на власть легитимизировалось как данное свыше.

«Должное» выходит за рамки эмпирически обозреваемой истории и иррационально соотносится с возможностью достижения абсолютной стабильности. Только при условии полного растворения частного лица в образе если не вечного, то очень древнего мифического персонажа, фокусирующего в себе весь исторический и метаисторический опыт, народ верит этому персонажу настолько, чтобы препоручить ему свою историческую судьбу.

При этом необходим триумф для революционно-реформаторских изменений нравственного идеала народа, ибо только такой способ может убедить народ признать какие-либо нововведения.

Для преодоления возникающих в обществе сомнений миф должен рукотворно и постоянно воспроизводиться в политических ритуалах, убеждающих общественное сознание в наличии у индивида героических свойств, во-первых, совокупностью всех положительных результатов, символически выраженных в ритуале, и, во-вторых, символикой самого вхождения индивида в метаисторический образ героя, сверхчеловека.

Коллективное ощущение правды становится главным критерием легитимизации политических решений, обязательных для меньшинства.

Коллективность сопереживания мифу и ощущения Правды дает элите возможность умышленно вызвать архетип из общественной памяти посредством его «проигрывания», демонстрации его в материализованном виде – в политической рекламе, в политических ритуалах и мистериях. «Архетип, вызванный в активное общественное сознание, декларирует «от имени Небес» (вышей Правды) наличие соответствия «желаемого» элитой «должному» для всего общества» [2, с. 171]. «Желаемое» элитой политическое решение народ отождествит со своим собственным «желаемым» и легитимизирует тем самым как соответствующий план действий, так и конкретных его исполнителей, и глава государства сможет с полной уверенностью говорить от имени народа. Если же политическая реклама окажется несостоятельной, народ отвергнет либо предложенный мифический архетип как лжемиф, либо персону исполнителя «желаемого» как лжегероя.

Политический миф имеет свои социальные функции. Перечислим наиболее важные, чаще всего встречающиеся в социально-философской литературе.

1) хранение совокупного политического опыта в иносказательной форме, соотносящей его с представлениями об абсолютной стабильности;

2) воспроизведение данного опыта в идеологии, в политических (национально-государственных) церемониях и ритуалах;

3) соотнесение желаний и потребностей общества, отдельных социальных групп и корпораций и народа в целом с совокупным опытом, обобщенным до уровня архетипов;

4) важнейшая функция политического мифа – легитимизация властных институтов и носителей верховной власти в стране. Миф является основой легитимности власти и ее стражем одновременно.

Политический миф способен нести в себе вполне положительные свойства. Это, прежде всего, символическое, сюжетное оформление политики при отсутствии рациональных мотивов. Выбирая символы, мы выбираем путь общества, даже если он нам не вполне ясен.

Кризисная ситуация разрушает в обществе рациональные мотивы, а через миф как бы восстанавливается общество, строится новый мир. Если рациональные слои сознания разрушены, дезорганизованы, то через миф рациональный слой сознания снова заполняется. Ведь порой необходимость мифа ощущается почти болезненно, а обретение мифа (даже вполне сознательный выбор мифа) реконструирует картину мира и позволяет этот мир заново осваивать.

Политический миф, как и архаический, характеризуется определенным набором компонентов: картиной мира в виде мифологизированной концепции социальной Истины (основаниями справедливости), точкой во времени, связанной с истоком национальной истории и культуры, моментом их высшего прославления или тяжелого увечья, образом будущего (понятым как возвращение к истокам Золотого Века) и глубокой оппозицией «мы-они» (аналог мифической оппозиции Добра и Зла). Политический миф выстраивает некую идею-истину, лежащую в основе картины мира. Сама же картина мира выстраивается как образ будущего через возврат к истокам (т.е. речь идет не о вероятном будущем, а об идеальном будущем, понятом через исток). Соответственно, имеется некая точка начала истории.

Существенная характеристика политического мифа, отличающая его от архаического, – незавершенность. По сути дела, в политической реальности невозможно отыскать совершенно оформленного политического мифа. Он все время находится в состоянии достраивания (лосевский синтез становления).

Политический миф проходит несколько стадий своего развития: через идентификацию по общему переживанию. Затем, через символизацию (т.е. его упрощение, структурирование, мысленное привязывание к каким-то символам) миф приходит к ритуализации – оперированию, комбинированию символами.

Особенностью современного мифа является его «короткодействие». Мировые религии порождают мифы, действующие тысячелетиями. Те современные политические мифы, которые исключают опору на религию, оказываются куцыми, в чем-то повторяя мифологию языческих богов, которые в глазах людей старели и уступали первенство новым богам.

Для массового сознания нужно видимое упрощение вплоть до символизации более или менее громоздких умозаключений или непроясненных ощущений. Как и архаическая картина мира, политическая мифология, таким образом, в массовом восприятии состоит из системы символов-знаков, символов-идей. И все-таки современный миф отличается от архаического тем, что в нем гораздо меньше символики и ритуала и значительно больше текста.

Миф всегда тяготеет к простым формулам и решениям. Талант упрощать реальность был присущ многим политическим демагогам. Проблемы общества они сводили к простейшим формулам, которые затем становились лозунгами и руководством к действию.

В мифе мир понятен, открыт человеку. Это важнейшее свойство мифа. Он расставляет все по своим местам. Поскольку окружающий мир в мифе познан и понятен, то он не пугает человека. Благодаря мифу обретается чувство гармонии, единения с бытием. Миф оберегает от непосредственного соприкосновения с суровой реальностью.

Важным аспектом в исследовании политической мифологии является вопрос о ее типах. А. М. Цуладзе предлагает рассматривать два основных типа: технологические мифы, которые создаются для реализации сиюминутных политических задач, и так называемые «вечные» мифы, фундированные архетипами. Жизнь первых коротка, поскольку они базируются на конъюнктурных изменениях в общественном сознании, на эмоциональных порывах, не затрагивая при этом глубинных слоев коллективного бессознательного (миф о том, что Россия «кормит» союзные республики и поэтому живет плохо). Вторые основаны на архетипах (миф о «светлом коммунистическом завтра» сменился мифом о «капиталистическом изобилии»). В свою очередь, коммунистический миф является лишь переименованием древнего мифа о Золотом веке.

Зачастую в политическом мифе центральной фигурой является сверхчеловек, носитель верховной власти. Даже в развитых обществах в кризисные моменты истории возникает потребность в сильном лидере. Кассирер отмечал, что «тяга к сильному лидеру возникает тогда, когда коллективное желание достигает небывалой силы и когда, с другой стороны, все надежды на удовлетворение этого желания привычными, нормальными средствами не дают результата» [6]. В такие моменты чаяния не только остро переживаются, но персонифицируются. Они предстают перед глазами человека в конкретном, индивидуальном обличье. Напряжение коллективной надежды воплощается в лидере. Если ощущение общественной тревожности перерастает допустимый предел, то «возникает запрос на лидера, который все проблемы разом решит, т.е. запрос на героя» [1, с. 158]. Действие героя, как в архаическом, так и политическом мифе – это всегда борьба со злом. Миф подчиняется закону: «нет врага – нет борьбы, нет борьбы – нет действия, нет действия – нет мифа» [1, с. 160].

В центре мифологического сюжета герой и его главный враг (отдельная личность или система). Исключительный статус героя придает всему про-

исходящему в мифологическом пространстве сверхъестественный смысл. Социальное действие в мифе определяется верой, что предполагает подавление критического мышления. Поэтому, пока человек верит в своего героя, он отождествляет реальность с мифом, реального политика с героическим образом.

Формирование образа сверхчеловека базируется на древнейшем архетипе. Общие компоненты этого образа имеют ключевое значение для массового сознания: только при их наличии личность простого человека может быть воспринята и легитимизирована в качестве мифического персонажа, имеющего «право свыше» на реализацию нравственного идеала и достижения абсолютной стабильности.

Анализ формирования архетипа сверхчеловека производился К.-Г. Юнгом. «Всемирно распространенный миф о герое, – писал Юнг, – всегда описывает могучего человека или богочеловека, побеждающего зло в любых его проявлениях: в виде драконов, змей, чудовищ, демонов и т.д., и спасающего людей от разрушений и гибели» [7].

На этом основании можно предположить, что любая национальная мифология включает миф о герое, сверхчеловеке, обладающем магическими возможностями. В мифологическом сознании всегда присутствует народный царь – герой, спаситель и пророк.

Миф, популярный во время политического кризиса и имеющий отчетливый политический оттенок, – это миф о сильной руке, о том, что очень скоро придет мессия (царь, монарх, хозяин), и он-то нас спасет и накажет всех, кто нас угнетает.

От народного царя (героя) всегда ждут чудесного избавления народа от напастей. Царь-странник должен внезапно объявиться, быть узнаваемым по каким-то важным признакам и совершить чудо. В реальной жизни чудо может не состояться и бывший царь-избавитель быстро или постепенно превращается в фальшивого царя. Вместе с тем именно первоначальное ожидание чуда становится инструментом в руках политика, который с вполне прагматическими целями переселяется в мифологическое пространство. Миф о сильной руке и чудесном спасении часто встречается и в истории России.

Таким образом, политический миф как способ сакрализации власти является основой сакрализационных процессов в современном обществе. Политический миф «распылен» в культуре, которая и является его носителем. Искусственно создается политическая идеология, которая опирается на тот или иной политический миф. Что касается содержания последнего, то он представляет собой символическую реальность, призванную заменить реальность объективную. К основным типам политического мифа можно отнести технологические и «вечные» мифы, имеющие архетипическую природу, и в этом их принципиальное сходство с мифами архаическими. Политический миф имеет свою структуру и социальные функции, важнейшими из которых являются: хранение совокупного политического опыта в иносказательной форме, соотносящей его с

представлениями об абсолютной стабильности; воспроизведение данного опыта в идеологии, в политических (национально-государственных) церемониях и ритуалах; соотнесение желаний и потребностей общества, отдельных социальных групп и корпораций и народа в целом с совокупным опытом, обобщенным до уровня архетипов. Важнейшей функцией политического мифа является легитимизация властных институтов и носителей верховной власти.

Литература

1. Цуладзе А. М. Политическая мифология / А. М. Цуладзе. – М., 2003. – С. 56.
2. Полосин В. С. Миф, Религия, Государство : исследование политической мифологии / В. С. Полосин. – М., 1999. – С. 40.
3. Почепцов Г. Имиджелогия / Г. Почепцов. – Киев, 2001. – С. 105.
4. Кассирер Э. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – М., 1998. – С. 528.
5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М., 2001. – С. 51.
6. Кассирер Э. Политические мифы // Реклама : внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход : учеб. пособие для факультетов психологии, социологии, экономики и журналистики / Э. Кассирер. – Самара, 2001. – С. 384–385.
7. Юнг К.-Г. Человек и его символы / К.-Г. Юнг. – М., 1999. – С. 76.

Воронежский государственный университет

Михайлов Д. Н., кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории философии факультета философии и психологии

*E-mail: dn-michailov@mail.ru
Тел.: 72-56-35, 8-960-104-07-15*

Voronezh State University

Mikhaylov D. N., Candidate of Philosophical Sciences, Teacher of the History of Philosophy Department, Philosophy and Psychology Faculty

*E-mail: dn-michailov@mail.ru
Tel.: 72-56-35, 8-960-104-07-15*